

А. М. Катаев*

Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 годах

Во время встречи И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) 5 сентября 1943 г. решался вопрос об открытии в Москве Богословского института и богословско-пастырских курсов. Об открытии богословских курсов просил митрополит Сергий. Сталин предложил открыть сразу духовные академии и семинарии, поскольку богословские курсы казались ему недостаточно солидным учреждением. Как отмечает О. Ю. Васильева, в них, по мнению Сталина, «не было... показной солидности представительства Русской Православной Церкви»¹. Следует заметить, что Сталин неплохо знал дореволюционную систему духовного образования, поскольку провел в стенах духовных школ 11 лет, окончив Горийское духовное училище и 5 лет отучившись в Тифлисской духовной семинарии². Однако митрополит Сергий возразил: «...у молодежи не сформировано нужное мировоззрение для такого образования»³.

Патриарх⁴ предложил поручить разработку Положения о духовных школах архиепископу Саратовскому Григорию (Чукову), который имел большой опыт работы в подобных заведениях. До мая 1923 г. протоиерей Николай Чуков занимал должность ректора Петроградского богословского института. С 2 апреля 1924 г. он заведовал богословскими курсами Центрального городского района Ленинграда и являлся членом комиссии по выработке Положения о Высших богословских курсах. 24 сентября 1925 г. Григорий (Чуков) был избран ректором Высших богословских курсов и оставался в этой должности до их закрытия 31 июля 1928 г.⁵ В октябре Патриарх Сергий представил в Совет по делам Русской Православной Церкви «для согласования» Положение о Богословском институте и богословско-пастырских курсах и учебную программу, разработанные архиепископом Григорием.

29 октября 1943 г. вопрос о духовных школах обсуждался на встрече Патриарха Сергия с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым. Было решено:

«1. Определить количество мест для 1-го курса института в Москве — 30 человек и для 1-го года обучения на богословско-пастырских курсах до 25 человек.

* © Катаев А. М., 2006

Алексей Михайлович Катаев, референт руководителя ЦНЦ «Православная энциклопедия».

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

2. По заявлению Патриарха обучаться на курсах и в институте будут лица православного вероисповедания из мирян (верующих) не моложе 18 лет, только мужчины, которые будут приниматься по заявлениям и последующему отбору. Духовенство также может быть принято, но не предполагается, что такие желающие будут.

3. Считать необходимым дополнить программу обучения 1-го года в институте и на курсах кафедрой по изучению Конституции СССР и соответствующих руководящих указаний, относящихся к деятельности Русской Православной Церкви.

4. Расчет на 2 тыс. кв. м площади был установлен, исходя, предположительно, что институт и курсы будут в одном здании, будут для большинства студентов и слушателей общежития, а также квартиры для администрации и служащих. При проживании администрации и персонала на частных квартирах и при ограничении мест для 1-го курса в пределах 25 человек (на курсах) и 30 человек в институте можно размер площади считать достаточным и в пределах 1–1,5 тыс. кв. м. Патриарх внес предложение о желательности предварительного осмотра зданий, ранее занимаемых бывшими духовными учебными заведениями, и выяснения возможности их получения в распоряжение Патриархии, а именно, здания бывших женских епархиальных училищ в Харитоновском переулке и на Ордынке или какого-либо другого здания. Также проверить возможность организации института или курсов на территории бывшего Новодевичьего монастыря.

5. Считать возможным организацию общежития только для студентов и слушателей иногородних и прибывающих из области.

6. В текущем году богословско-пастырские курсы организовать только в Москве, хотя предположения делались епархиальными архиереями и в других городах, как, например, в Казани»⁶.

Во 2-й половине октября 1943 г. Священный Синод принял решение о создании Православного Богословского института в Москве и богословско-пастырских курсов по епархиям⁷, а архиепископ Григорий опубликовал программу новых богословских школ. Она предполагала следующее: «Предметы изучения в той и другой школе указаны в “Положениях”; в богословско-пастырских курсах — применительно к программам бывших духовных семинарий, в Православном Богословском институте — применительно к программам бывших духовных академий со включением и некоторых новых предметов (агиологии, истории русской религиозной мысли, аскетике, истории религии) и с более практическим уклоном всего характера преподавания... В Богословском институте будут изучаться: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, патристика; история христианской Церкви Вселенской и Русской с агиологией и историей русской религиозной мысли; введение в круг богословских наук; богословие: догматическое, нравственное с аскетикой, сравнительное и пастырское; история религии с христианской апологетикой; история и разбор русского сектантства и раскола; каноническое право и Конституция СССР; литургия с историей христианского искусства; церковное проповедничество и научение истинам веры; христианская гимнология: чтение богослужебных книг на церковнославянском языке и церковное пение; древние языки: чтение греческого текста Священного Писания и сочинений

ИССЛЕДОВАНИЯ

Святых отцов Церкви на греческом и латинском языках; древнееврейский язык; чтение избранных мест Библии; чтение иностранной богословской, апологетической и полемической литературы (католической, протестантской, англиканской).

На богословско-пастырских курсах будут преподаваться: библейская история; чтение и объяснение избранных мест из Священного Писания Ветхого и Нового Завета; православный катехизис и православное веро- и нравоучение; история христианской Церкви — общая и русская; христианская апологетика; сектоведение и расколоведение; практическое руководство для пастырей Церкви; Конституция СССР; литургика; церковное проповедничество; церковно-славянский язык; церковное пение с регентованием»⁸.

28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление № 1324 об утверждении предложения Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР «о разрешении открытия в г. Москве Православного Богословского института и богословско-пастырских курсов»⁹. Тогда же на должность проректора был утвержден С. В. Савинский. 7 декабря во время очередной беседы Патриарха Сергия с Карповым вопрос о духовных школах был поднят вновь. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви сообщил Патриарху, что «со стороны Совета нет возражений к назначению Савинского на должность проректора Православно-Богословского института, и одновременно тов. Карпов поинтересовался, как идет приемка помещения, разработаны ли штаты административно-педагогического состава института и курсов, какие сроки намечаются к его открытию, какой устанавливается порядок приема студентов.

На эти вопросы Сергей ответил, что он еще не подготовлен и они думают поручить Савинскому разработку необходимых документов и несколько позднее установят срок. Также Сергей сказал, что они никакой специальной вербовочной работы проводить не будут, а будут рассматривать те заявления, которые поступают непосредственно в патриархию, а также через епархиальных епископов, и в очередном номере журнала будет дано краткое извещение о том, что Патриархия открыла прием заявлений. Вопрос о назначении ректора института Сергей не поднимал»¹⁰.

Руководить таким серьезным направлением церковного развития, как духовное образование, по мнению Совета по делам Русской Православной Церкви, должны были безусловно верные советской власти люди. Именно так рекомендовали себя бывшие обновленцы, многие из которых доказывали свою верность сотрудничеством с НКВД. Поэтому Совет и рекомендовал в качестве проректора института и руководителя богословских курсов Савинского. После закрытия Черниговской семинарии, где он преподавал, Савинский в 1920 г. переехал и устроился на работу в советское учреждение¹¹. В январе 1925 г. он примкнул к обновленчеству, обратившись в обновленческий синод с заявлением: «Линия, взятая бывшим Патриархом Тихоном, привела Русскую Православную Церковь к великим бедствиям и должна быть оставлена как не соответствующая ни сущности христианства, ни духу времени. Поэтому приветствую возникшее, в связи с революцией, обновленческое движение в недрах самой Церкви, нашедшее себе выражение в Поместном Соборе 22-го года и ныне возглавляемое Священным Синодом, считаю совершенно правильной ту политическую ориентацию,

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

которой держится «Живая церковь», глубоко сочувствую ее деятельности по возрождению церковной жизни и готов, по мере сил и дарований, поработать под руководством Священного Синода, на пользу церковного возрождения»¹². Савинский преподавал в обновленческой Богословской академии в Москве¹³. После ее закрытия он до 1941 г. работал бухгалтером в Мосторге. С началом войны Савинский уехал в Тулу, вернувшись в Москву, подал 12 октября 1943 г. заявление о принятии его в качестве преподавателя в организуемый Богословский институт. 8 ноября его вызвал для беседы Патриарх Сергей, и 1 декабря Синод назначил Савинского проректором института и заведующим пастырско-богословских курсов в Москве¹⁴. В 1947 г. он принял священный сан¹⁵.

4 мая 1944 г. во время встречи Патриарха Сергея с Карповым был затронут вопрос об организации богословских курсов в Саратове. Карпов предложил оставить вопрос открытым до 1945 г., «чтобы в этом году получить какой-то опыт на курсах в Москве»¹⁶. Патриарх тем не менее попросил вынести этот вопрос на решение правительства, что и было сделано. 10 мая 1944 г. СНК СССР разрешил открыть богословско-пастырские курсы в Саратове¹⁷.

14 июня 1944 г. на территории Новодевичьего монастыря открылись Богословский институт и пастырско-богословские курсы. Место было выбрано не случайно. В 1922 г. монастырь был упразднен, к 1943 г. на его территории действовал обновленческий храм. Ответственный работник НКВД П. А. Судоплатов отмечал, что «большинство служителей Новодевичьего монастыря» являлись тайными осведомителями¹⁸.

Ректором института по рекомендации Совета был назначен давний секретный сотрудник НКВД, бывший обновленческий «митрополит» Тихон Попов. По данным его следственного дела, с 1920 г. он состоял секретным осведомителем ВЧК¹⁹, в 1922 г. стал обновленцем, причем со временем занял один из ключевых постов в этом движении. В 1932 г. Тихон был посвящен обновленцами в «епископы»²⁰, а в 1936 г. стал «митрополитом Московским». В 1938 г. он подвергся аресту и во время допросов дал подробные показания об обновленческом движении. Поделится и опытом организации богословских учебных заведений, как он выражался, «рассадников новых священнослужителей»²¹: «В упомянутый период времени мне, по назначению Священного Синода (обновленческого.— А. К.), пришлось читать курс лекций по богословским дисциплинам, а также быть инспектором академии, о чем мною упомянуто уже в первом показании. Сохранившиеся в моей памяти фамилии из академических студентов мною уже названы, а архив бывшего Священного Синода, вероятно, хранит подробный список всех студентов. Весьма характерным явлением, как оттенок поспешности создания новых кадров на места умиравших и отживших священнослужителей, как теперь уже ясно, является то обстоятельство, что прием студентов, как я застал, был без всяких предварительных испытаний в познаниях не только богословских, но и элементарной грамотности. Странным и крикливым названием является и самый термин «академия» без существования предварительных низшей и средней школы. Можно представить, что оставалось в головах в большинстве безграмотных и полуграмотных, в буквальном смысле слова, слушателей Московской богословской академии от философских лекций «митрополита»,

ИССЛЕДОВАНИЯ

ректора и руководителя академии Александра Введенского... Можно судить и о том, что в жизни и деятельности представляли из себя вышедшие из такого рассадника академии лица на церковных должностях, начиная со священнических и кончая архиерейскими. Отход от трудовой жизни, церковная карьера, а в 1937 и 1938 годах жизнь всех их уже сняла с церковных должностей и вписала их в контрреволюцию...»²².

Власти обвинили Тихона в том, что он, «будучи митрополитом Московским, создавал блок всех существующих в СССР церковных течений для борьбы с советской властью». На основании изложенного постановили, «что обвиняемый работал скрытым агентом НКВД, а поэтому дело по обвинению Попова подлежит рассмотрению Особого Совещания при Народном комиссаре внутренних дел Союза СССР». 2 апреля 1939 г. Тихон Попов был приговорен к ссылке на 5 лет в один из районов Казахстана²³. Секретное сотрудничество с НКВД спасло его от неизбежного расстрела. В мае 1943 г. Тихон был освобожден и даже получил право жить в Москве. 5 января 1944 г. он был принят в общение с Русской Православной Церковью в сане протоиерея²⁴. Еще до возвращения в Русскую Православную Церковь Тихон Попов обратился к Патриарху Алексию I с просьбой назначить его профессором Богословского института²⁵, и 28 августа 1944 г. он был утвержден его ректором. В августе 1946 г. он возглавил уже Московскую Духовную академию и семинарию, однако в октябре 1946 г. вынужден был оставить ректорство в связи с прогрессирующей слепотой²⁶.

14 ноября 1947 г. должность ректора МДАиС занял другой видный обновленец — бывший «митрополит» Василий Кожин, которого Введенский видел своим преемником. «Вот кого я хотел бы видеть после себя первоиерархом, — часто говорил он, — он управлял бы Церковью не хуже, а может быть, и лучше меня»²⁷. В 1937 г., будучи «митрополитом Северо-Кавказским и Ставропольским», Василий Кожин был арестован, но освобожден через 7 месяцев²⁸. Как и в случае с Тихоном Поповым, такой почти безболезненный исход ареста можно объяснить только сотрудничеством с НКВД. Будучи убежденным обновленцем, в январе 1944 г. Василий Кожин говорил уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви: «Своим 20-летним существованием обновленческая церковь вела работу, сводящуюся в конечном счете к изъятию реакционных элементов тихоновской церкви»²⁹.

Кожин соединился с Русской Православной Церковью только в апреле 1945 г., когда крах обновленчества стал очевиден. Он был принят священником и хиротонисан в епископы с именем Гермоген, однако не захотел по предложению Патриарха ехать летом 1948 г. во Францию для проверки приходов за границей. За границу власти могли выпустить только епископов, в надежности которых не сомневались, поэтому отказ Гермогена под предлогом незнания языков привел к тому, что он 29 июля 1948 г. подал прошение об увольнении за штат, однако получил отказ³⁰. Написанную им докторскую диссертацию митрополит Григорий (Чуков) оценил как неудовлетворительную, так как она, по его мнению, «представляет дословную перепечатку из сочинений русских авторов и русских переводов»³¹. В ответ архиепископ Гермоген выступил с обвинениями в адрес митрополита Григория. Ученую степень по настоянию Патриарха ему все-таки

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

присудили, но только после того, как в августе 1949 г. Патриарх сумел добиться освобождения Гермогена от должности ректора МДАиС и заместителя председателя Учебного комитета.

Таким образом, богословские учебные заведения в Москве возглавили бывшие обновленцы, «хорошо ведомые» властям, предложенные Советом по делам Русской Православной Церкви, благодаря чему последний мог держать под контролем деятельность духовных школ. Патриарху Алексию I удалось поставить своих людей лишь на второстепенные должности: А. В. Ведерников, преподававший историю русской философской мысли, по мнению Совета, переходил границы дозволенного, поэтому был назначен лишь инспектором³², а А. И. Георгиевский стал секретарем ученого Совета³³. По предложению Совета по делам Русской Православной Церкви преподаватели богословских учебных заведений причислялись к квалифицированным работникам народного образования и получали продовольственные карточки, такие же, как и преподаватели вузов. Студенты получали рабочие карточки³⁴, им предоставлялась отсрочка от призыва по мобилизации³⁵.

Ссылаясь на нехватку профессорско-преподавательского состава, Учебный комитет и Патриарх ходатайствовали через Совет по делам Русской Православной Церкви перед правительством о приглашении из-за границы русских профессоров-богословов — протопресвитера Г. И. Шавельского из Болгарии, профессора С. В. Троицкого из Югославии, протоиерея С. И. Четверикова из Чехословакии, а также профессоров В. Н. Лосского и Н. А. Полторацкого из Франции³⁶. Это ходатайство поддержал Карпов, однако оно не получило поддержки в Совете Министров. Тем не менее в мае 1947 г., намереваясь трудиться в МДА, в СССР приехал Троицкий³⁷. В Московские духовные школы к новому учебному году 1946/1947 пришли преподавать протоиерей Н. В. Чепурин, архимандрит Вениамин (Милов) и профессор И. Н. Шабатин.

15 марта 1945 г. Патриарх Алексей в своем письме в Совет по делам Русской Православной Церкви просил разрешения на открытие пастырско-богословских курсов в ряде городов³⁸. Постановлением Совета Министров СССР за № 511–147/с от 22 марта 1945 г. разрешалось открыть такие курсы в Ленинграде, Киеве, Львове, Луцке, Минске, Одессе и Ставрополе. В тот же день 22 марта 1945 г. Патриарх обратился с просьбой открыть курсы в Одессе и Таллине: «Считая полезным открытие пастырско-богословских курсов в городах Одессе и Таллине, прошу Совет войти с ходатайством к Правительству о разрешении на открытие означенных курсов, причем относительно Таллина нахожу нужным сделать следующие пояснения на основании представленной мне докладной записки. В начале марта осуществилось воссоединение православных эстонцев с Московской Патриархией. В результате воссоединения образовалась новая епархия — Эстонская и Таллинская приблизительно с 130 приходами. Из этих приходов 12 русские, 10–15 — смешанные, а остальные эстонские. Приходы по большей части небольшие. При этом в настоящее время свыше 40 приходов не имеют пастырей. Обслуживают их соседи. В некоторых службы бывают всего по 3–4 раза в год. Между тем, миссионерское и государственное значение православия в Прибалтике чрезвычайно велико. Отсюда возникает необходимость воспитания новых кадров духовенства русской ориентации,

ИССЛЕДОВАНИЯ

знающих русский язык, верных Церкви и Родине, которые могли бы служить и проповедовать и по-русски, и по-эстонски. Такая подготовка могла бы быть осуществлена путем открытия в столице ЭССР богословско-пастырских курсов.

К этому имеются следующие реальные возможности:

1. В Таллине существует ряд церковноприходских домов, в одном из которых можно было бы оборудовать учебный корпус и, если потребуется, помещение для общежития курсантов. Особенно благоприятные возможности в этом отношении дают помещения б. Синодского дома на Пикк улице, дом 64.

2. При занятиях по вечерам курсанты могли бы легко найти себе утреннюю работу для пропитания. Некоторые из них (провинциальные) могли бы получать стипендию от отдельных приходов; некоторые нашли бы заработок при таллинских церквях.

3. При курсах из местных ресурсов могла бы быть образована вполне достаточная библиотека духовных книг.

4. Преподавательский состав вполне мог бы быть набран из местных сил, поскольку в Таллине настоятели трех русских приходов академики или универсанты, есть опытный учитель пения и могут быть найдены и еще вспомогательные педагогические силы.

5. Предварительный, самый поверхностный опрос подтвердил, что открытие курсов не останется без отклика и они могут быть начаты с двумя десятками студентов.

6. Расходы по содержанию преподавательского персонала могут быть покрыты теми же приходами, где священствуют лица, могущие быть преподавателями.

7. Расходы на содержание помещения (в ЭССР — небольшие) и на поддержку студентам (там, где это будет необходимо) могут быть покрыты небольшими взносами остальных приходов.

8. Программы курсов будут согласованы с общими программами, вырабатываемыми Патриархией при учете местных условий, требующих изучения: а) эстонского языка и эстонских служб; б) антилютеранской и противосектантской апологетики; в) усиленного курса гомилетики и практических занятий в этой области»³⁹.

На документе Карпов написал, что разрешение на открытие курсов в Одессе уже дано, а насчет Таллина необходимы дополнительные согласования. В итоге курсы в Таллине так и не были открыты, в то время как пастырско-богословские курсы в Одессе открылись 15 июля 1945 г. Их ректором стал кафедральный протоиерей В. Ф. Чемена⁴⁰. Курсы разместились в Одесском Пантелеймоновском монастыре.

10 апреля 1945 г. состоялась встреча Сталина с Патриархом Алексием, митрополитом Николаем и прот. Н. Ф. Колчицким. Архиереи сообщили о расширении сети духовно-учебных заведений, об открытии в ближайшее время еще 8 богословско-пастырских курсов в различных городах СССР. Архиереи также просили «соорудить в Москве специальное здание или комплекс зданий для размещения в них всех учреждений Патриархии, обеих Московских духовных школ»⁴¹.

В 1945 г. помещения Богословского института в Новодевичьем монастыре были расширены. Они получили здание бывшей Успенской трапезной церкви

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

«с прилегающими к ней обширными залами»⁴². Здесь был сделан ремонт, а помещения приспособлены под учебные классы и общежития. В октябре 1945 г. Богословский институт располагал 2 зданиями, в которых размещались аудитории института, общежитие на 100 студентов и другие помещения. К этому времени совет института полностью подготовил переход к старой системе духовной семинарии и академии⁴³. В 1945 г. Патриарх Алексей ходатайствовал перед Советом по делам Русской Православной Церкви о возвращении МДА в Троице-Сергиеву лавру. 4 сентября 1945 г. глава Совета Карпов в своем письме Патриарху сообщил, что его ходатайство удовлетворено, однако переехать в лавру московские духовные школы смогли только осенью 1948 г.⁴⁴

26 июля 1945 г. Патриарх Алексей направил в Совет по делам Русской Православной Церкви учебный план для пастырско-богословских курсов в Вильнюсе, подготовленный архиепископом Виленским и Литовским Корнилием (Поповым), и просил об открытии курсов. В августе этого же года СНК утвердил это предложение Совета⁴⁵. В Литве еще в довоенный период действовала богословская школа, с 1929 г. в Каунасе функционировали 2-годичные богословские курсы. Занятия вели архиепископ Елевферий (Богоявленский) и преподаватели Свято-Сергиевского института в Париже. Однако курсы окончили лишь 8 человек⁴⁶.

Постановлением Совета Министров СССР за № 1132–465-сс от 29 мая 1946 г. разрешалось открыть духовные академии в Москве, Ленинграде и Киеве с числом обучающихся на первом курсе до 50 человек⁴⁷. Распоряжением Совета Министров СССР за № 3537-рс от 9 июля 1946 г. пастырско-богословские курсы в Москве, Ленинграде, Киеве, Саратове, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе преобразовывались в духовные семинарии с 4-годичным сроком обучения⁴⁸, на что 15 июля 1946 г. дал согласие Совет по делам Русской Православной Церкви. Число студентов в духовных учебных заведениях к началу 1946/1947 учебного года представлено в таблице 1.

Таблица 1*

Учебное заведение	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	Всего
Московская Духовная академия	8	6	–	–	14
Ленинградская Духовная академия	18	–	–	–	18
Московская Духовная семинария	85	13	30	19	147
Ленинградская Духовная семинария	27	–	29	–	56
Киевская Духовная семинария	11	–	–	–	11
Одесская Духовная семинария	11	8	11	7	37
Вильнюсская Духовная семинария	20/3**	–	–	–	20/3
Жировицкая Духовная семинария	6	12	–	–	18
Ставропольская Духовная семинария	–	–	–	–	–
Саратовская Духовная семинария	–	–	–	–	–

* Таблица составлена в Совете по делам Русской Православной Церкви. См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2, л. 123.

** Вольнослушатели.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие духовных школ стало возможным благодаря личной заинтересованности Сталина и верной ему группы членов высшего эшелона советского руководства. С 1943 г. эта группа стремилась уменьшить властные полномочия партийных органов. Как отмечает Ю. Н. Жуков, «специфической для советского узкого руководства являлась только одна проблема — с величайшим трудом пробивавшая себе дорогу департизация, и, разумеется вместе с нею, как логическое ее продолжение, необходимость последовательного пересмотра, корректировки идеологии»⁴⁹. Одним из таких средств, позволявших подготовить общество к грядущим переменам, стала, по мнению исследователя, «своеобразная структура — идеологическая по существу, национально-государственная по направленности и положению, к тому же еще и жесткая, вертикальная, строго иерархическая по конструкции, обладавшая традиционной униформой, — Русская Православная Церковь»⁵⁰.

Совет по делам Русской Православной Церкви был изначально подчинен СНК во главе со Сталиным, который лично до середины 1946 г. курировал важнейшие вопросы, связанные с Церковью, избегая контроля со стороны Управления агитации и пропаганды ЦК, возглавляемого Г. Ф. Александровым⁵¹. Карпов получал указания от Сталина, а также его политических союзников К. Е. Ворошилова или В. М. Молотова. В 1-й половине 1946 г. обострилась борьба за лидерство в высших эшелонах власти. Сталин решил урезать полномочия Молотова и А. А. Жданова, выдвигая А. А. Кузнецова. Это привело к всплеску активности Жданова и верного ему Александрова. В 1-й половине 1946 г. они сумели добиться принятия постановлений ЦК и Политбюро, направленных против структур, занимавшихся вопросами идеологии: о недостатках в работе центральных газет, Радиокомитета, Министерства кинематографии и т. д.⁵² В этом контексте следует рассмотреть то, что отчет Совета по делам Русской Православной Церкви за первое полугодие 1946 г. стал объектом внимательного изучения Жданова и Александрова⁵³.

2 августа 1946 г. последовало решение Политбюро, согласно которому уже именно на Жданова, а не на Кузнецова возлагалось председательство на заседаниях Оргбюро и руководства работой Секретариата ЦК. Таким образом, он стал вторым лицом в партии⁵⁴. В августе ЦК приняло знаменитые постановления по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград». Объектом критики Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) стал Совет по делам Русской Православной Церкви и, в частности, его политика в отношении духовных учебных заведений. Карпов вынужден был принять меры. 14 ноября 1946 г. в Совете по делам Русской Православной Церкви состоялось заседание, посвященное этому вопросу. На нем был заслушан доклад старшего инспектора К. Г. Иванова «О духовных учебных заведениях в Советском Союзе» (в отделе Совета по делам центрального управления Церкви Иванов курировал деятельность духовных учебных заведений). В результате Совет признал работу Иванова неудовлетворительной и перевел его в инспекторский отдел, в то время как контроль за деятельностью духовных школ был поручен старшему инспектору И. Кириллову. В своем пространном выступлении Карпов подробно остановился на ошибках Иванова:

«Я констатирую, что тов. Иванов не только плохо сделал доклад, а не справился с этим участком работы. И — как администратор, я мог бы большее сказать, а именно, что за такую работу нужно делать административное взыскание... Теперь

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

я хотел бы несколько слов также сказать (и чтобы они были зафиксированы) следующего порядка. Зачем открыты духовные учебные заведения? Я как руководитель Совета понимаю, что дело так: духовные учебные заведения в нашей стране открыты для того, чтобы считаться с требованиями, с нуждами Церкви.

Раз такой вопрос возникает и Церковью он поставлен, отказать в этом вопросе значит ущемлять и этим фактором подчеркивать обратное, а не декларируемую нами веротерпимость и свободу совести. Это — первое. Второе. Открытие духовных учебных заведений поставлено Церковью потому, что в кадрах Церковь нуждается. В-третьих. Мысль определенно заложена, но нигде не записана, о том, что подготовка новых кадров священнослужителей, в данном случае — православной Церкви, в духовных учебных заведениях несколько освежит кадры и даст возможность иметь молодой состав, и не только молодой состав, а состав, который родился и обжился в условиях советской современной обстановки. Никто не ставит задачу и никто так не думает, что священники будут придерживаться нашей идеологии или что священники будут мало отличаться от преподавателей светских учебных заведений. Нет. Но речь идет о том, что эти лица, изучая христианскую психологию, готовя себя для деятельности церковной, не вкусили ту психологию, мораль, политику, которая была в период монархизма в нашей стране и через что большинство духовенства прошло.

Имелась в виду и узкая задача — для новой работы Патриархии, в частности для выхода на международную церковную арену, использовать новые кадры, которые дадут новые академии и семинарии. Я понимаю это так и думаю, что правильно понимаю. Это — вопросы Церкви. Для нас же вопрос один — допустить, потому что это нужды Церкви. А отказать — это значит резко ущемлять и ограничивать Церковь.

Но можем ли мы проходить мимо вопроса о том, кого готовят, как готовят? Правильны здесь замечания товарищей, выступавших членов Совета и других, о том, что мимо этого вопроса мы не можем проходить и за этот вопрос мы несем ответственность. Мы не должны эту работу проводить так, чтобы было прямое вмешательство и прямое корректирование. Но в некоторых вопросах будем прямо корректировать и прямо предлагать, прямо запрещать, и это Вы должны знать. И если мы видим, что идут к скатыванию или какому-то использованию церковного амвона, или кафедры семинарии и академии, хотя бы по противопоставлению к государству, к правительству, к власти, к народу, — тут мы будем прямо вмешиваться. В вопросы канонические и догматические мы не вмешиваемся, но это не значит, что мы не должны заниматься изучением. Мы должны изучать и изучать всесторонне»⁵⁵.

Карпов подробно остановился на задачах Совета по отношению к духовным школам: «Мы должны изучать состав слушателей: социальное происхождение, национальность, образование, откуда пришел, чем раньше занимался, почему пришел в духовное заведение, если коммунист — надо информировать ЦК... К преподавательскому составу надо подходить с большими требованиями, на каждого завести дело... Надо, чтобы Учебный комитет специально рассмотрел на своем заседании вопрос о степенях: профессор, магистр, доцент, чтобы было понятно, как они этот вопрос видят, а затем внести свои коррективы (проконсультируемся,

ИССЛЕДОВАНИЯ

где надо)... Когда будут готовы программы, т. Уткин должен будет их просмотреть, потом — в ЦК, и проговорить по этому вопросу... Вопрос главных предметов: истории религиозно-философской мысли, христианской психологии, основ психологии, метафизики и логики... Я поговорю по этому вопросу в ЦК, но если с их стороны будет предложение, что они исключат эти предметы из академического курса, мы не будем протестовать и удовлетворим их просьбу... Надо проверить все библиотеки... все книги надо просмотреть, а не только по списку Главлита как антисоветские, может, надо в этих книгах заклеить, замазать краской, вырезать (портрет монарха, например); все это будет делаться не Советом, а Главлитом при участии Совета... Мы должны интересоваться досугом учащихся, итогами учебы... Надо интересоваться бытовой стороной, надо оказывать содействие. Это не значит, что все заявки мы будем удовлетворять, но считаться с тем, что без нас они ничего не получают, мы должны»⁵⁶. Основные положения выступления Карпова легли в основу инструктивного письма для уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви от 3 декабря 1946 г.⁵⁷ К 1 января произошло некоторое сокращение числа студентов за счет исключения тех, кто не устраивал Совет (см. табл. 2).

Таблица 2*

Учебное заведение	Количество преподавателей	Количество учащихся
Московская Духовная академия	17	14
Ленинградская Духовная академия	10	17
Московская Духовная семинария		130
Ленинградская Духовная семинария		57
Киевская Духовная семинария	4	15
Одесская Духовная семинария	12	24
Вильнюсская Духовная семинария	4	23
Жировицкая Духовная семинария	3	11
Луцкая Духовная семинария	10	49
ИТОГО:	60	340

* Составлена в Совете по делам Русской Православной Церкви. См.: ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 37, л. 89.

Несмотря на эти меры, Жданов и Александров продолжали критиковать Совет. 19 апреля 1947 г. Александров направил Жданову пространное замечание по поводу записки Совета от 13 марта 1947 г. «О состоянии духовных учебных заведений Московской Патриархии». В документе говорилось: «Совет не совсем правильно понимает свои задачи в отношении духовных учебных заведений и в этом отношении его следует поправить»⁵⁸. Оценивая отчет Совета за 1946 г. в докладе Жданову, Александров 30 июня 1947 г. фактически признал некомпетентным руководство Совета, который «часто занимает в отношении Церкви неправиль-

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ную позицию»⁵⁹. Над Советом нависла опасность ликвидации. В ответ Карпов составил «Директиву по работе Совета», где отмечалось, что Совет должен «вести наблюдение за работой духовных учебных заведений путем контроля за комплектованием их, представления на утверждение программ общеобразовательных предметов и оказания содействия в подборе преподавателей по общеобразовательным дисциплинам»⁶⁰. Он направил «Директиву» Ворошилову и Молотову, но не получил от них поддержки.

Однако политическую борьбу в высших коридорах власти Жданов и Александров проиграли. В июле—августе Александров стал объектом критики в «Правде», 17 сентября 1947 г. был смещен и заменен на идеологическом фронте М. А. Суловым. Жданов окончательно утратил возможность влияния на принятие решений, а все его властные полномочия оказались также у Сулова⁶¹, который продолжил жесткую линию в отношении Русской Православной Церкви. Впрочем, согласно постановлению Политбюро от 10 июля 1948 г., Жданов вернул себе контроль над отделом агитации и пропаганды ЦК, но воспользоваться успехом не смог. В этот же день он ушел в отпуск и вскоре умер⁶².

Ужесточение политики по отношению к Русской Православной Церкви в 1947–1949 гг. непосредственно сказалось на положении духовных школ. В августе 1947 г. литовское руководство закрыло семинарию в Вильнюсе. Карпов направил письмо в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Литвы Снечкуса и председателя Совета Министров Литовской ССР Гедвиласа, в котором говорилось: «Семинария была уже открыта 4 октября 1946 г., причем разрешение на открытие архиепископу Корнилию дал бывший уполномоченный Совета по Литовской ССР тов. Линеv, согласоваv вопрос с заместителем председателя Совета Министров Литовской ССР товарищем Нюнько. 10 июня 1947 г., по сообщению уполномоченного, закончился учебный год в Виленской духовной семинарии, причем состав слушателей был всего 20 человек. 18 января с. г. Совет письмом за № 31/с предложил уполномоченному Совета тов. Линеvу доложить этот вопрос лично товарищу Гедвиласу и сообщить, что семинария фактически функционирует, что разрешение на открытие семинарии дал тов. Линеv по согласованию с тов. Нюнько и что Совет, со своей стороны, считает целесообразным иметь православную духовную семинарию в городе Вильнюсе, тем более что в городе Каунасе функционирует католическая семинария.

Сегодня мною и Патриархом Алексием получены телеграммы от архиепископа Виленского и Литовского Корнилия тревожного характера с сообщением, что 10 августа с. г. ему объявлено уполномоченным Совета тов. Гуцциным о необходимости приостановить функционирование Виленской Духовной семинарии до решения вопроса о ней в Совете Министров Литовской ССР. Прилагая при этом копию телеграммы архиепископа на мое имя, не зная мотивов, послуживших основанием для запрещения деятельности семинарии, Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР просит Вас рассмотреть этот вопрос вновь и Ваше мнение сообщить Совету»⁶³.

В 1947 г. было отказано в просьбах открыть семинарии в Ярославской и Смоленской областях, Казахской ССР, Черновцах, Ростове-на-Дону⁶⁴. В отчете Совета за 1947 г. констатировалось: «Так как 60% священников имеет возраст старше

ИССЛЕДОВАНИЯ

55 лет, то в результате естественной убыли в ближайшие годы недостаток священников будет еще ощутительнее. Духовные учебные заведения, в которых числится 562 слушателя, не могут дать необходимое пополнение кадров духовенства»⁶⁵.

В 1947 г. состоялся первый выпуск семинарий — 38 человек. Из них 26 были направлены в приходы, 11 стали студентами духовных академий⁶⁶ (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение студентов духовных учебных заведений
по курсам на 1 января 1948 г. ***

Курс	Академии	Семинарии
1-й	26	215
2-й	18	159
3-й	5	80
4-й	—	59
ИТОГО:	49	513

* Составлена по: ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 153, л. 15.

Во время вступительных экзаменов в духовные учебные заведения летом 1947 г. заявления подали 507 человек. 47 поступавших являлись участниками Великой Отечественной войны. Были приняты 268 человек⁶⁷. В 1948 г. 27 из 53 выпускников были направлены в приходы; 18 поступили в академию, 2 человека остались для работы в семинарии, 6 зачислены в резерв⁶⁸.

В конце 1948 г. был уволен из академии секретарь совета доцент А. В. Ведерников⁶⁹. Сильное давление оказывалось и на профессора Троицкого, который вынужден был вернуться в Югославию. Вместо него лекции по церковному праву начал читать ректор архиепископ Гермоген (Кожин). В 1948–1949 гг. 189 человек из числа преподавателей и студентов духовных школ были арестованы⁷⁰, в том числе и инспектор академии профессор архимандрит Вениамин (Милов), которого обвинили в «участии в антисоветской организации». Согласно приговору Особого совещания МГБ Московской области, он был выслан на поселение в г. Джамбул в Казахстане⁷¹. Патриарх Алексий об аресте не знал. 11 февраля 1949 г. он записал в дневнике: «Архимандрит Вениамин был вчера, выехал в Загорск и не вернулся»⁷². На встрече с Патриархом Карпов потребовал увольнения В. А. Сретенского, преподавателя английского языка и Конституции СССР в МДА, сказав, что если он не будет уволен, то «может быть подвергнут такой же участи, как и архимандрит Вениамин. Он молодым юношам в Академии дает неправильные представления о Сталинской Конституции»⁷³. Отдел агитации и пропаганды ЦК подготовил в сентябре 1948 г. проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако документ не получил одобрения Сталина.

Г. М. Маленков, игравший одну из ключевых ролей во власти в 1949–1953 гг., являлся сторонником курса 1943–1946 гг. по отношению к Русской Православной

А. М. КАТАЕВ. ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Церкви и пытался осуществить мягкую политику — «переход от конфронтации к разрядке»⁷⁴. Именно такая позиция Маленкова обеспечила смягчение политики в отношении Русской Православной Церкви в эти годы. При этом необходимо учитывать, что, как вполне убедительно показал Ю. Н. Жуков, в 1951 г. Сталин практически отошел от дел⁷⁵. Отказ от жесткой линии в отношении Церкви сказался и на положении духовных школ. Их возрождение продолжалось, и Совет по делам Русской Православной Церкви оказывал в этом некоторую помощь, в частности, в возвращении помещений МДА в Троице-Сергиевой лавре. Отказ от «нового курса» по отношению к Русской Православной Церкви произошел уже после смерти Сталина и поражения Маленкова в политической схватке с Н. С. Хрущевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 111.

² *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.; М., 2002. С. 125.

³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴ Митрополит Сергий (Страгородский) стал Патриархом 8 сентября 1943 г.

⁵ *Бовкало А. А.* Высшие богословские курсы // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). Т. 10. М., 2005. С. 109.

⁶ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 4, л. 2; *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. С. 327.

⁷ Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1943. № 3. С. 12.

⁸ *Григорий (Чуков), архиеп.* Учреждение духовно-учебных заведений // Там же. С. 22–23.

⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 1, л. 17.

¹⁰ Там же, оп. 1, д. 4, л. 11; *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 333.

¹¹ *Пушков С.* Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944–1964 гг.). Профессорско-преподавательская корпорация. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2002. Л. 79.

¹² Цит. по: *Пушков С.* Указ. соч. С. 79.

¹³ *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // Обновленческий раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 454.

¹⁴ *Пушков С.* Указ. соч. С. 79.

¹⁵ *Трофимчук М. Х.* Академия у Троицы: Воспоминания о Московских духовных школах. Сергиев Посад, 2005. С. 12.

¹⁶ *Одинцов М. И.* Указ. соч. С. 352.

¹⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 1, л. 37.

¹⁸ *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 182.

¹⁹ *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 457.

²⁰ Обновленческий раскол. С. 965.

²¹ *Дамаскин (Орловский), игум.* Указ. соч. Кн. 4. С. 459.

²² Там же. С. 465–466.

²³ Там же. С. 468.

²⁴ ЖМП. 1944. № 1. С. 8.

²⁵ *Пушков С.* Указ. соч. С. 14.

²⁶ Там же. С. 15.

²⁷ *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 638.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ²⁸ *Пушков С.* Указ. соч. С. 127.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 16, л. 87 об.
- ³⁰ *Пушков С.* Указ. соч. С. 128.
- ³¹ Там же. С. 129.
- ³² *Матюшин С. А. В.* Ведерников // ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 366.
- ³³ *Любартович В. А.* Георгиевский // ПЭ. Т. 10. М., 2005. С. 653.
- ³⁴ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 32, л. 49.
- ³⁵ Там же, оп. 1, д. 2, л. 18.
- ³⁶ Там же, д. 80, л. 153.
- ³⁷ *Пушков С.* Указ. соч. С. 97.
- ³⁸ «Русская Православная Церковь встала на правильный путь» / Комментарии, публикация М. И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 4. С. 97.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 37, л. 1–3.
- ⁴⁰ ЖМП. 1945. № 10. С. 27.
- ⁴¹ *Николай (Ярушевич), митр.* На приеме у И. В. Сталина // ЖМП. 1945. № 5. С. 24.
- ⁴² ЖМП. 1945. № 11. С. 22.
- ⁴³ Там же. С. 23.
- ⁴⁴ *Трофимчук М. Х.* Указ. соч. С. 54.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2, л. 123.
- ⁴⁶ ПЭ. Т. 7. М., 2004. С. 470.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 123, л. 332.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Жуков Ю. Н.* Сталин: Тайны власти. М., 2005. С. 179.
- ⁵⁰ Там же. С. 184.
- ⁵¹ *Шин Донг-Хек.* Сталинская внутренняя церковная политика в 1947–1949 гг. // Церковь в истории России. Сб. 5. М., 2003. С. 269–270.
- ⁵² *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 351–352.
- ⁵³ *Шин Донг-Хек.* Указ. соч. С. 270.
- ⁵⁴ *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 352.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 122, л. 12–13.
- ⁵⁶ Там же, л. 20–21.
- ⁵⁷ Там же, д. 7, л. 80.
- ⁵⁸ Цит. по: *Шин Донг-Хек.* Указ. соч. С. 270–271.
- ⁵⁹ Там же. С. 273.
- ⁶⁰ Там же. С. 274.
- ⁶¹ *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 384.
- ⁶² Там же. С. 451–454.
- ⁶³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 122, л. 239.
- ⁶⁴ См.: *Чумаченко Т. А.* Государство, православная Церковь, верующие: 1941–1961 гг. М., 1999. С. 88.
- ⁶⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 153, л. 28.
- ⁶⁶ Там же, л. 15.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же, оп. 2, д. 37, л. 142.
- ⁶⁹ *Полищук Е. С. А. В.* Ведерников. Некролог // ЖМП. 1993. № 6. С. 105.
- ⁷⁰ *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 137.
- ⁷¹ *Елена (Хиловская), мон.* Вениамин (Милов) // ПЭ. Т. 7. С. 638.
- ⁷² *Патриарх Алексий (Симанский).* Дневники. 1949 г. (Машинопись) (Архив ЦНЦ «Православная энциклопедия»).
- ⁷³ Там же. С. 139.
- ⁷⁴ *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 501, 529.
- ⁷⁵ Там же. С. 549.